

Мои детство, юность и часть зрелых лет прошли в России. Я родился в 1950 г. в ассимилированной еврейской семье, единственный сын своих родителей, 3-е по счёту поколение, утратившее связь со своими еврейскими корнями. В доме моих родителей, как во многих еврейских домах России тех лет, на дверях не было мезуз, не соблюдался кашрут, не зажигались субботние свечи, не отмечались еврейские праздники, не постились в Йом Кипур, не молились и не ходили в синагогу. Мне не было сделано обрезание и не отмечался мой *бар-мицва* — я даже понятия не имел, что 13-летие в жизни еврейского мальчика имеет такое важное значение. О том, что я еврей, я узнал от соседского мальчишки. Дело было в Ялте, мы играли вместе, и вдруг, в ходе игры, мальчик сказал мне: „Ты еврей. Твой отец был немецкий шпион”. Я был возмущён, с кулаками набросился на обидчика: „Сам ты еврей! Мой отец с немцами воевал!” Вернувшись домой, я рассказад родителям об этом инциденте. Велико же было моё изумление, когда ошеломлённые родители поведали мне, что мы—таки да, евреи, но ничего плохого в этом нет. Есть плохие люди, которые нас не любят, но мы должны быть упорными, много и хорошо учиться, чтобы быть лучше их. То, что ничего плохого в нас нет, мне пришлось доказывать самому себе и окружавшим меня не-евреям ещё много лет. Доказательств, надо сказать, были достаточно голословные: вот Карл Маркс, вот Эйнштейн, вот Свердлов, вот дядя Саша, а вот дядя Яша. Но других доказательств, вытекавших из нашей великой истории и всеобъемлющей традиции на том этапе у меня не было. Более того, инстинктивно стремясь ассимилироваться как можно лучше, не выделяться, быть такими, как все, родители не учили меня тому, что ещё знали сами и за что советский режим не преследовал: в семье никогда не говорили, не писали и не читали на идиш. Желая, чтобы мне „легче жилось”, мать настояла, чтобы отец русифицировал своё имя. Так из Хацкеля он стал Николаем — чтобы я был не Хацкелевич, а Николаевич. Как-то, перед первым приходом вновь нанятой домработницы, стремясь предотвратить возможные проявления антисемитизма, мать инструктировала меня: „Если спросит, кто мы, говори, что этими вопросами ты не интересуешься”. Когда домработница тётя Мотя пересекла порог нашего дома, её вторым вопросом было, кто мы по национальности. Услышав мой невнятный ответ, она снисходительно улыбнулась: „Ну, не надо стыдиться, что еврей. Евреи тоже хорошие люди бывают”. Этот случай был мне хорошим уроком на будущее. Во-первых, нечего скрывать своё еврейство. Антисемит всегда его обнаружит. В самом сокрытии своего происхождения было что-то постыдное. Впоследствии я убедился, что именно те, кто пытались это скрыть, вызывали гораздо больше насмешек, чем те, которые несли своё еврейство с высоко поднятой головой. Их за это даже уважали! Во вторых, в примирительно-успокаивающем „среди евреев тоже есть хорошие люди” скрывалась главная идея антисемита: подавляющее большинство евреев — так, шваль, давить их надо, но ты — тебя я знаю, ты — среди тех исключений, которм я дарю право на существование. Надо сказать, что принадлежность к этому клубу избранных меня отнюдь не

вдохновляла, поэтому единственно приемлемой для себя я считал тактику „не высовываться, но коли зацепят — не бояться, отвечать с достоинством и даже сражаться за него, если придётся”. И пришлось в дальнейшей жизни, и не раз.

Итак, поступив в 1-й класс начальной школы в Капьяре, я окончил его уже в Калининe, в 17-й средней школе. В этой школе я проучился до её окончания в 1967 г. Что можно написать о моих школьных годах? Все мои товарищи были не-евреи, и я жил так, как они: мы много времени проводили на улице, в младших классах играли в футбол, хоккей и пинг-понг, собирали транзисторные приёмники, ловили рыбу, катались на велосипедах, дрались, кидались камнями, били стекла и т.д. В старших — курили в подворотнях, слушали рок-музыку, выпивали. В моём классе были ещё 2-3 еврейских ученика, но мы между собой не дружили и на еврейскую тему не разговаривали. Из той поры мне запомнился один эпизод, связанный с моим увлечением филателией.

В Калининe тех лет (речь идёт о начале-середине 60-х гг.) существовал пятачок, где по воскресеньям собирались филателисты — коллекционеры почтовых марок и просто спекулянты. Здесь шли оживлённая торговля и обмен марками. Пятачок находился прямо у дверей филателистического магазина, в котором в то время продавались только советские марки и марки социалистических стран. Марки же стран капиталистических и особенно популярных тогда „колоний” можно было купить только с рук. И вот я помню, как почти каждое воскресенье приходил туда бедно одетый старый еврей. Его интересовали только марки Израиля. Его знали все спекулянты и продавали ему втридорога. Старик никогда не торговался, вытаскивал несколько монет и покупал 2-3 марки. Когда марки переходили в его руки, в глазах его стояли слёзы. Много лет спустя, вспоминая этот эпизод, я страшно жалел, что не подошёл к старику, не разговорился с ним. Уверен, что ему было что мне рассказать, чему научить. Для меня же марки Израиля представляли не больше интереса, чем марки Парагвая, хотя я и знал, что в Израиле живут евреи. Но этот факт ничего не вызывал в моём сознании, Израиль был далёк примерно так же, как Марс.

Так было до 1967 г. Шестидневная война, разразившаяся 5 июня, в разгар моих школьных выпускных экзаменов на аттестат зрелости, изменила дальнейшую жизнь многих евреев моего поколения. Приникнув к „Спидоле” (популярному в те годы транзисторному радиоприёмнику с коротковолновыми диапазонами), я слушал сообщения с полей сражений в Синае, на Голанах и в Иерусалиме, передаваемые западными радиостанциями. Эти радиостанции я начал ловить с 15-летнего возраста, к тому времени уже во-многом поняв лживость и бесчеловечность советского режима. Через моего приятеля, с которым мы вместе учились в вечерней и заочной математических школах и участвовали в математических олимпиадах, и который в 9-м

классе поступил на учёбу в Колмогоровский математический интернат при МГУ, бывший тогда одним из центров свободомыслия, я начал получать и читать самиздатовскую литературу – Бродского, Горбаневскую, Солженицына. „Один день Ивана Денисовича”, появившийся в „Новом Мире”, меня потряс. Я понял, что советский режим мне противопоказан, но лекарства для себя я ещё не подобрал. Я думал, что занятия наукой, которые я для себя готовил, займут меня с головой, а всё остальное не будет меня касаться. Но действительность опровергла все мои построения: июнь 67-го года стал переломным не только в том, что Израиль, ранее далёкий, вдруг стал совсем близким и родным, что гордость за победы израильской армии помогла нам поднять голову и высоко её держать перед антисемитами, что мы вдруг ощутили собственную силу. И не только в том, что на смену образа еврея–труса, „защитника Ташкента”, пришёл образ еврея–агрессора, еврея–разбойника, насаждаемый советским пропагандистским аппаратом. Июнь 1967 г. стал вехой, отметившей значительное усиление советского государственного антисемитизма. Кремлёвские идеологи отчётливо понимали, что задавленное и отрезанное от национальных традиций, образования и культуры еврейство, уже поднимавшее голову в Прибалтике и Грузии, вдохновлённое успехами Израиля, поднимется и в России, и на Украине, и в Молдавии. Они понимали, что сионистская идея проникнет в сердца молодых и направит их, десятками и сотнями тысяч, к дверям ОВИРа. Еврей, всегда считавшийся неблагонадёжным в глазах неевреев в общем и советских партаппаратчиков в частности, стал ещё более опасным, потенциальным перебежчиком, врагом. Поэтому, неудачный опыт поступления на физфак МГУ, а в следующем году – на мехмат, оставили в моей душе глубокий рубец. Я много готовился к вступительным экзаменам, и поэтому разочарование было большим. Кроме моей личной неудачи, опыта встречи с предвзятыми и враждебными экзаменаторами (хочется назвать имя преподавателя с физфака Боканова, дважды встретившегося мне – в 1967 и 1968 гг.), я видел, как засыпали других евреев, иногда при этом откровенно издеваясь над ними, особенно над ребятами из провинции, говорившими с отличным от Москвы выговором. Красноречивым был список поступивших на мехмат: из 500 принятых в списке были только две явные еврейские фамилии. И это мехмат, на котором в прежние годы учебные группы на 50: состояли из евреев. Многие абитуриенты–евреи, с которыми я познакомился, рассказали, что, подобно мне, они успешно проходили письменные экзамены, где снимались титульные листы с фамилией абитуриента, а на устных экзаменах получали низкую оценку, не позволявшую им пройти по конкурсу.

Разочарованный, я вернулся в Калинин и поступил в местный политехнический институт, в противоположность престижным московским вузам (таким как МГУ, МИФИ, МФТИ), терпимый к евреям. Со мной учились студенты–евреи, приехавшие из Одессы и Винницы, т.к. на Украине в то время поступить еврею в институт было чрезвычайно сложно. Институт я окончил в 1973 г. по специальности

инженер–электромеханик по автоматизации. Ирония судьбы заключалась в том, что те талантливые молодые евреи, которым всё же удалось поступить в престижные ВУЗы, впоследствии были направлены на работу в закрытые режимные организации, откуда, по причине допуска к секретной информации, они потом долгие годы не могли уехать. И хотя я тоже после окончания института попал по распределению в „почтовый ящик” – конструкторское бюро одного из подмосковных „пороховых” заводов, допуска к секретным документам у меня не было. Поэтому, в дальнейшем, после подачи заявления на выезд, по своей работе я отказ не получил. Кроме того, специальность инженера–электрика оказалась нужной в Израиле, поэтому, как говорит еврейская пословица, *мимар яца маток* (из горького вышло сладкое). Годы учёбы в институте (включая неудачную попытку перевестись на вновь организуемый факультет прикладной математики в Ленинградском университете благодаря подлому поведению профессора–антисемита И. И. Матвеева) и работы на заводе укрепили меня в неприятии советской действительности и недовольстве своим положением как еврея. Между тем, вокруг меня началось движение–евреи уезжали, кто в Израиль, кто в Штаты. Советская пресса клеймила позором „предателей”, но западные радиоголоса, которые я к тому времени регулярно слушал, выступили в защиту „отказников”. В тот момент меня лично это ещё не затрагивало, но, в общем, отказникам и активистам борьбы за выезд я симпатизировал. В 1976 г., прочитав полученные на одну ночь книгу Л. Юриса „Экзодус” и открытое письмо профессора М. Гиттермана, призывавшее евреев к выезду в Израиль, наутро я встал и сказал: „Я еду”. Зерно, упавшее на плодотворную, годами удобряемую почву, моментально дало свои всходы.

Здесь начинается самый увлекательный период моей жизни, пожалуй то, что, по большому счёту, может служить её оправданием. Как писал Н. Островский: „....чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы”. Сегодня я вспоминаю о тех годах (1976–1987) как отец вспоминал о войне. Подобно ветеранам войны, мы встречаемся вместе, участники борьбы за репатриацию евреев из СССР в Израиль, и вспоминаем былое. Сегодня это звучит громко: „участники борьбы”, а тогда, 20 лет назад, всё выглядело иначе.....

Приняв решение уехать, я немедленно начал готовиться к отъезду. Я не мог подавать на выезд из почтового ящика, это бы означало верный отказ. Надо было подыскать другую работу. В городке, где я жил, не было преподавателей иврита, поэтому я решил первым делом, пока не устроюсь на новое место, откула смогу подать и где смогу заниматься ивритом, подтянуть свой английский. Как я хорошо понимал, английского в рамках школьной и вузовской программы для нормальной работы в Израиле было явно недостаточно. Я сказал себе: „Времени у тебя мало, надо его использовать рационально. Прежде всего – прекратить чтение газет и биллетристики по русски. Затем – пластинки с разговорным курсом. Ну и, конечно, – радио”. Я начал

много читать по-английски – сначала адаптированные книжки, потом – настоящие: Стивенсона, По, Дж. Лондона и др. Слова учил в автобусе, электричке, по дороге на работу, во время обеденного перерыва. Радио слушал по вечерам: Би-Би-Си, Голос Америки. За полтора года мне удалось значительно улучшить свой английский. В 1977 г. я переехал в Москву и немедленно начал учить иврит в группе Лёвы Улановского, астрофизика, бывшего к тому времени уже известным отказником. Лёва был прекрасным учителем, я до сих пор с благодарностью вспоминаю эти уроки в его маленькой холостяцкой квартире на юго-западе Москвы. Я включился в занятия когда группа находилась уже на 7-м уроке, и догнать их мне было чрезвычайно трудно. Но я предпринял титанические усилия, занимался по 6–7 часов в день (благо характер моей новой работы – наладка оборудования электроснабжения и автоматики в системах тепловодоснабжения – позволял мне это) и довольно быстро достиг их уровня. В группе тогда вместе со мной учились ещё 3–4 человека. Состав группы постоянно менялся, но два ученика оставались всегда: автор этих строк и его товарищ, с которым мы проучились у Лёвы вплоть до его отъезда в 1979 г, впоследствии сам ставший известным преподавателем иврита и узником Сиона, Саша (Эфраим) Холмянский. Помню, как зимой, после уроков у Лёвы, дрожа от холода в ожидании автобуса на остановке, занесённой снегом и продуваемой всеми ветрами, мы с тоской рассуждали о том, какая погода сейчас в Израиле, как там должно быть тепло. Кроме иврита, я знакомился с работами по истории еврейского народа и историей государства Израиль, с новой ивритской классикой (Х.–Н. Бялик, Ш. Черниховский) и израильской литературой (Ш.–Й Агнон, А. Мегед, А. Оз, А.–Б. Йеѓошуа), трудами З. Жаботинского и Х. Вайцмана. Вскоре я уже не мыслил себя без иврита и без Израиля. Получив вызов, я подал документы на выезд 5-го марта 1979 г. Ответа на своё заявление я ждал более 2-х лет. В декабре 1979 г. советские войска вторглись в Афганистан, в результате чего резко ухудшились советско-американские отношения. На критику и требования вывода советских войск власти ответили практически полным прекращением выдачи разрешений на выезд советских евреев. Посыпались многочисленные отказы – зачастую лишённые какой-либо логичной мотивировки (такие отказы называли музыкальными – от овировской формулировки „нет мотива к воссоединению семьи”). Свой отказ я получил в 1981 г. К тому времени у меня уже родился первый сын – Давид, ставший одним из самых юных отказников в мире – на момент получения отказа ему исполнился 1 мес. Я уже начал преподавать иврит, у меня было несколько учебных групп (большая часть моих учеников впоследствии приехала в Израиль). Я участвовал в постоянно действовавшем семинаре учителей иврита, проводившемся в квартире Л. Городецкого (у которого я учился некоторое время после отъезда Л. Улановского), в самиздатовском журнале „Наш иврит”.

Кроме иврита, я участвовал в разного рода акциях протеста – коллективных и индивидуальных письмах в различные советские

органы власти и международные организации, голодовках и демонстрациях. Врезались в память наши коллективные выезды в лес в районе подмосковной станции Овражки, где мы праздновали День независимости Израиля, День Иерусалима, Песах, Суккот (в последние годы эта традиция возобновлена в Израиле — в промежуточные дни праздника Суккот мы съезжаемся в лес Бен-Шемен, около Иерусалима). В этот период я начал заниматься в группе по изучению Торы у Пети (Пинхаса) Полонского, которые впоследствии привели к кардинальным изменениям в моей жизни, связанным с возвращением к исполнению *мицвот*. В 1984 г. родился второй сын — Имануэль Моше, а в 1985 г. — дочь Фаня, получившая своё имя в честь моей матери, которая не дожила до её рождения несколько месяцев. В этом же году я отказался от советского гражданства и получил израильское (сертификат о гражданстве, подписанный Х. Куберским). Но на мой выезд это не оказало никакого воздействия — Советы отказа от своего гражданства не признавали, и наше новое гражданство — тоже. В 1986 — 1987 гг. мы организовали в Москве Землячество израильских граждан, которое периодически бодалось с московскими властями и стало предметом нападков со стороны советской прессы, которая саму идею создания такого землячества посчитала „кощунством”!

Этот период, названный впоследствии периодом „перестройки и гласности”, стал последним этапом большевистского режима накануне его крушения. В своей последней агонии и желании выжить, зажатые в угол Рейгановской политикой „звёздных войн” и „двойного нуля”, Советы поняли, что нужны перемены. И первой ласточкой этих перемен стало изменение их эмиграционной политики: евреи вновь получили возможность уехать!

В конце сентября 1987 г., по окончании работы Московской книжной ярмарки, которая, благодаря участию израильской делегации, стала для московских (и не только московских) евреев главным событием года, пришло долгожданное разрешение на выезд, а 23.11.1987 г. мы, наконец, ступили на Святую Землю. Летели мы через Бухарест, одними из первых прокладывая новый маршрут в ту эпоху отсутствия прямых полётов из СССР в Израиль. Первое время мы жили в Центрах абсорбции новых репатриантов в Кирьят-Яме и Хайфе, а, затем, в своей квартире в Хайфском районе Неве Шаанан. Я начал работать в лаборатории Исследований и разработок израильской Электрической компании, а в 1992 г. сбылась моя мечта — мы переехали в поселение Гоша'йя в Нижней Галилее, рядом с развалинами древнего Циппори. Здесь я построил свой дом и посадил свой сад. Здесь, в Гоша'йя, были отмечены *бар-мицва* Давида и Имануэля и *бат-мицва* Фани. Здесь я хотел бы закончить свой жизненный путь, начатый в далёкой России.